Соломон КИШИНЕВСКИЙ

Мои натурщики

Все картины написаны непосредственно с натуры. Я стараюсь идти по стопам великих мастеров. Самые великие не приступали к картинам, не проверив свои силы, не изучив досконально с натуры с карандашом в руках сюжет будущей своей картины. Свое "Прошение" я писал в самом кабаке "Спор", в так называвшемся "дворянском" отделении трактира. Четыре мои картины под названием "В кутузке" писал на месте, то есть в местах заключения при ... царских полицейских участках. Все типы, изображенные мною на многих картинках, написаны с натуры. Измышление, писание по памяти в начале моей художественной деятельности не практиковалось. Интерес к красотам природы принуждал меня стать лицом к самой правде...

Мой первый натурщик

Первый мой натурщик был маленький пушистый щенок. Два темных пятнышка его живых глазенок и черный его носик красиво выделялись на белой красивой мордочке. Я тогда еще не был воспитанником нашей Одесской рисовальной школы. Давно я уже жаждал рисовать с натуры, рвался передать живую действительность. Но я все же по робости своей не решался это делать, будучи не уверен в своем умении, в своих силах. Но красота прекрасного беленького щенка — превозмогла мою робость. Я храбро принялся за работу. Но работа моя не спорилась. Мой "натурщик" не хотел понимать, что раз "художник" его рисует, то он должен быть как бы бездыханным или, по крайней мере, оставался спокойным! Животное никак не хотело задержаться на одном месте. Моя старшая сестра, в замужестве Татьяна Гольдеман, сильно желавшая, чтобы я стал художником, всячески старалась здесь мне помочь и не допускала, чтобы "натурщик" ушел от "сеанса", но это мне мало помогало. Животное все вырывалось из рук сестры, все стремилось уйти.

Желая все-таки закончить начатую работу, я нашел средство заставить моего "натурщика" спокойно позировать. У меня блеснула мысль: что, если я заставлю моего "натурщика", щенка, выпить немного водки? Мой натурщик, конечно, благодаря силе алкоголя одурманится и наверное заснет! Ведь пьяница … немного — засыпает после. Влив в блюдечко немного молока, влил рюмку водки. Животное, почуяв молоко, сейчас же его вылакало. Несколько раз чихнув, мой молодой "натурщик" немедленно же заснул. Я торжествовал. Теперь я уже мог спокойно и беспрепятственно продолжать свою работу. Во время сна животное сильно вздрагивало и визжало. Водка жгла его молодые внутренности. Домашние сильно беспокоились за собачку и называли меня "извергом". Но я себе и в ус не дул, мне некогда было думать, в каком состоянии находится молодое четвероногое, лишь бы оно спокойно лежало, лишь бы я смог без помех окончить свою работу.

Мухи сильно беспокоили животное. Моя сестра взяла веер и отгоняла назойливых насекомых от бедного моего "подгулявшего натурщика". Я благополучно закончил свою работу, еще задолго до того, как животное проснулось после своего невольного опьянения. Вот при каких обстоятельствах я впервые имел "натурщика", вот при каких обстоятельствах я впервые рисовал с натуры.

"Мог быть человеком"

Задумав написать какую-нибудь картину, я устанавливал в своей мастерской на мольберте холст и, приготовив краски, оставлял свою мастерскую и выходил на "натуру". В большинстве случае искал "натуру" на толкучке, в порту или на базарных площадях. По дороге я внимательно следил за всеми проходящими на улице типами. Побывав в указанных местах, я ничего не нашел для себя подходящего и разочарованный, огорченный, возвращался домой. Под самым большим пролетом моста, что на Греческой улице, я увидел в одном из домов ресторанчик. "Зайду "на счастие", — подумал я.

Войдя туда, я увидел, что это был кабак самого обыкновенного пошиба, и притом большой, угрюмый, пустой и темный. В одном из углов за столом сидел какой-то человек. Взглянув на него, я понял, что это то, что так долго искал. Приблизившись к сидящему за столом и бросив на него беглый взгляд, я увидел, что не ошибся. Я должен был употребить большую силу воли, чтобы не выдать сидящему передо мною субъекту, будущему моему натурщику, герою моей картины, сильное волнение и радость, овладевшую мною. Я задумал написать опустившегося дворянина, который еще сохранил кой-какой отпечаток былого величия. Презрение этого столпа трона к окружающей его обстановке должно было отразиться в фигуре героя моей будущей картины.

— Есть ли у вас время? — спросил я субъекта.

— Есть! — ответил он мне сиплым басом.

— Пойдемте со мною.

Мы вышли из кабака.

— Идемте ко мне, у меня есть для вас работа, — обратился я к нему.

— Но позвольте, — произнес субъект, пытливо меня оглядывая, — я, видите ли, не заплатил за водку.

— Сколько вам нужно? — спросил я.

— Двадцать копеек, — был ответ.

Я дал ему просимую сумму. Расплатившись, он вышел ко мне на улицу.

— Теперь пойдемте,— сказал я.

— Но позвольте, за чем-с?

— У меня есть для вас работа, вы же, наверно, умеете писать?

— Да-с, умею.

— Вы напишете мне прошение.

— Так пожалуйста, в ресторан-с, — предложил он мне.

— Нет, — ответил я. — Это нужно писать только у меня дома.

— Гм, — произнес мой будущий натурщик, подозрительно меня оглядывая, — может, какое-нибудь "уголовное", то я не могу.

Субъект долго не решался отправляться со мной — но, наконец, согласился. Сказать ему правду, для чего он мне действительно нужен, я не решался, так как он мог бы мне и отказать, видя в моем предложении его нарисовать только одну насмешку, поэтому я решил сообщить ему, для чего он мне нужен, только в мастерской. Я кликнул извозчика. По дороге мой натурщик все допытывался, для чего я его приглашаю к себе.

— Может, какой-нибудь конфуз? То, видите ли, я боюсь, чтобы меня не побили.

Я успокоил своего спутника, объяснив ему, что в деле, в котором он мне нужен, никакого "конфуза" нет. Несколько кварталов мы проехали молча.

— Стой, стой, стой! — вдруг прокричал пропойца извозчику.

— Что такое? — спросил я.

— Выпьем по рюмочке, — предложил он мне.

Оказывается, что он по дороге увидел. Здесь я уже не вытерпел и приказал извозчику не останавливаться.

Наконец мы приехали. Не без робости субъект вошел ко мне в мастерскую, но увидя на стенах картины, он быстро сообразил, в чем дело, и что именно я от него хочу.

— Ага! Понимаю, понимаю! Портрет! — произнес он, указывая на свое лицо. — Хорошо! Рисуйте, рисуйте.

Подойдя к зеркалу, он стал себя осматривать и охорашиваться. Долго от зеркала не отходил. Я за ним наблюдал.

— Когда-то был человеком, а теперь дрррянь!!! — произнес он.

Благодаря этой неожиданной самоаттестации я и нашел название для своей картины, а именно — "Мог быть человеком". Без того чтобы не выпить, мой новый натурщик никак не мог позировать:

— Баба с ног свалит, коли не выпью, — говорил он.

Перед каждым сеансом я должен был заботиться о "выпивке" для него. По окончании моей картины он как-то зашел ко мне, чтобы меня навестить, но, верней, чтобы заполучить малую толику. Вместо обыкновенной фуражки с красным околышем, которую он носил с какой-то важностью, у него на голове была какая-то шляпа.

— Это вы откуда достали? — спросил я его.

— Это, извольте видеть, мне барон фон Гретштерн подарил. Барон этот, видите, чин, фон — имя, а Гретштерн — фамилия! Барон фон Гретштерн!

Я встретил его через год сильно опустившимся. Впоследствии я узнал, что он попал в больницу, в которой и умер от белой горячки. Картины "Мог быть человеком" и "Инвалид" купил у меня бывший лорд-мэр города Г.Г. Маразли, в галерее картин которого они и находились. Я узнал после, что он желал подарить их в Академию художеств в Афинах.

Обе картины писаны пастельными красками и в натуральную величину по колено. Это были первые картины в Одессе, писанные пастельными красками. Мне было поставлено в укор, почему фигура героя моей картины "Мог быть человеком" вырисовывается на гладком и чистом белом фоне. Не считая гладкий и чистый фон за ошибку, я, тем не менее, написал еще одну такую картину, но уже на фоне кабацкой обстановки. Этот новый тип здесь уже другой, и написан уже не "en-face", как это я сделал на первой картине, а в три четверти. Вторая эта картина была выставлена на "Передвижной". Первая же моя картина экспонировалась на II выставке картин "Общества Юго-Западных художников" в Одессе. Повторил же я своего "Мог быть человеком", не для того чтобы исправить якобы ошибку, а только для того, чтобы первая моя картина, как написанная пастельными красками, не удобна была для передвижения в столичные выставки картин. Да и притом из галереи Маразли трудно было достать картины, чтобы послать их на "Передвижную".

Мой новый натурщик для второй картины по внутреннему своему облику был именно тот гордый опустившийся дворянин, который не разрешал с собою много разговаривать, а презрительно относился ко всему… Водки он не пил. Сколько я с ним ни заговаривал, как я ни старался, чтобы от него что-нибудь узнать, мне все это никак не удавалось. По-видимому, он пережил какую-то драму и не любил о ней распространяться.

"Инвалид"

В "pendant" к моей картине "Мог быть человеком" я еще написал другую картину, под названием "Инвалид". Картина эта служит, как тип холерика, контрастом картины моей "Мог быть человеком". Натурщиком для второй картины был на самом деле инвалид, и находился на иждивении в инвалидном доме. Я его нашел на базаре. Я его увидел с шарфиком на шее, с ботфортами под мышками, с узелком в одной руке и с дубинкою в другой, так я его изобразил. Я подошел к нему и предложил поехать ко мне домой "для дела". Не доверяя незнакомцу, он не решился следовать за мной. Толпа праздношатающаяся обступила нас.

— Ты к нему не хори, это шарлатан, — слышно было вокруг.

Но я пристыдил старика, говоря что "кавалер" не должен трусить. Это помогло, и он сел со мной на дрожки.

— А, — сказал он, зайдя ко мне в мастерскую, — а! Так вы, значит, есть "дорогой человек"! Как же! Знаю! Знаю! Вот у нас в полку, как я служил, "фотографчик" был, так всех нас как есть снял! Да! Даже орлы на пуговицах, и те все видны были! Как же! Как же! Знаю! Знаю!

Мой натурщик был человеком непьющим и позировал охотно и исправно, но много говорил о фараонах, и что при них рос уже чеснок. Когда он пил у меня чай, то никогда не пользовался моим сахаром, а всегда имел свой собственный, уже нарубленный на маленькие кусочки. Крошки хлеба, оставшиеся на столе, он сгребал в свою ладонь и клал их себе в карман.

Окончив свою картину, я спустя некоторое время пожелал его навестить, но в инвалидном доме его уже не было. Мне сообщили, что он ушел из убежища, не выдержал, ушел от царившей там скуки и однообразия, и где-то торгует семечками.

"Иванов"

На XXII-й Передвижной выставке картин была представлена моя картина, писанная пастельными красками, под названием "На службу". Субъект, позировавший мне для моей картины, был "поэт" по имени Иванов, на которого обратил мое внимание сотрудник газеты "Одесский листок" А.И. Черкас. Написанные им стихи печатал сам и всегда держал их в своем портфеле, никогда с ним не расставаясь. Свои "произведения" Иванов предлагал знакомым, причем установленной платы за его "произведения" у него не было. Кто что даст, тем и был доволен. Кроме "поэтических" произведений Иванов писал еще поздравительные стихотворения.

Получив его адрес от Черкаса, я немедленно отправился к нему на квартиру. "Плюшкин!" — подумал я, увидев его среди его домашней обстановки. Такой же старый порванный халат, чем-то опоясанный, на голове парусиновый картуз козырьком назад, на конце носа всегда висела неизменная капля. В углу комнаты "плюшкинская куча" коробочек от спичек и папирос, старые пуговицы, и вообще, всякая дрянь. Кровати он не имел. Вместо нее доски, положенные на стулья, сверху них старый прорвавшийся матрац, поверх него какое-то тряпье. На дверцах платяного шкафа в чинном порядке были развешаны многочисленные галстуки — "подарки его поклонников", как он говорил.

Разница между Ивановым и гоголевским Плюшкиным была только же, что герой "Мертвых душ" был богат, а мой натурщик был беден. Иванов был очень набожен и часто молился перед образами. Несмотря на преклонный возраст, был сильно занят собой и частенько спрашивал меня, надеть ли ему тот или другой галстук, ту или другую шляпу. О себе и своем "поэтическом даре" был очень высокого мнения. Когда, просматривая произведения, я указывал ему на строки, "заимствованные" у наших классиков, он спокойно отвечал: "Это нам позволяется!". Стоило заговорить с Ивановым о каком-либо бывшем торжестве, он сейчас же отвечал с важностью, что кроме муниципалитета города и других начальствующих лиц был приглашен и он.

У Иванова была любимая собака. Конечно, он дал ей кличку собаки тургеневского Ермолая — Валетки. Обращаясь к своему четырехногому другу, Иванов всегда прибегал к …:

— Валет! …! Валет! Какой одеть жилет?

Или:

— Валет! Хочешь котлет? Валет! Живи много лет!

Без Валетки Иванов никуда не выходил. Во время позировки двойник из "Записок охотника" часто мешал мне работать, будучи чрезвычайно неспокойным. Я предлагал Иванову приходить ко мне на сеансы без Валетки, — но он не соглашался. Иванов был немыслим без Валетки, Валетка была немыслима без своего патрона.

Иванов, позируя мне, был неаккуратен, несколько раз он совсем не приходил на сеанс. Мне ничего не оставалось делать, как приходить за ним, чтобы привозить его в мастерскую на сеанс. Как-то раз после одной из Валеткиных многочисленных проказ на нее налетела целая свора злющих и презлющих собак, и окружив ее со всех сторон, стали ее яростно трепать и теребить. "Мой поэт", увидев своего друга в таком затруднительном и опасном положении, сильно побледнел и стремительно поспешил к нему на помощь. Я побежал за ним. Валетка стояла среди атаковавших злющих собак. Не двигаясь, с опущенной головой. Попробуй она защищаться, злющие собаки загрызли бы ее. Когда мы подбежали к Валетке, одна из атаковавших ее собак успела ее укусить за верхнюю часть хвоста. Но Валетка все стояла спокойно, не двигаясь. Нужно было видеть, как Иванов был огорчен, как он … за своего друга.

Иванов ходил в коричневом потертом плаще, всегда с неизменным своим портфелем в одной руке и с палкой в другой, так я его и написал. Всегда был бритый, с благообразными чертами лица и с красивыми голубоватыми глазами. Я написал его идущим "На службу". Картина эта, писанная пастельными красками, была приобретена И.В. Вульфом для его галереи, которую он потом перевез в деревню.

Натурщик

Все персонажи на моей картине "Прошение", как и вся обстановка вокруг, писаны с натуры. Приближаясь к концу этой работы, я оставался недоволен типом целовальника, или, как здесь его называют, "застойщика", изображенным в картине стоящим за стойкой и наливающим в рюмки из штофа водку. Сняв ножом с моего полотна неудачную фигуру, приготовив краску, я по обыкновению вышел "на охоту", поискать себе нового натурщика. Мне нужен был тип заросшего и лохматого человека, все свои дни проводившего в деле, которое его кормит и служит пристанищем для пропойц и проституток низшего пошиба. Типа, которому некогда, да и незачем за собой смотреть.

На этот раз мне долго не пришлось искать. Не успел я сделать несколько кварталов, как нужный мне тип сейчас же появился навстречу. Я смело подошел к неизвестному субъекту и без обиняков предложил ему поехать ко мне для позировки. Будущий мой натурщик оказался смышленым парнем и сейчас же согласился, но поехать со мной сейчас же не смог, так как был занят, обещая прийти ко мне по адресу на другой день.

— Будьте покойны, — обратился он ко мне, — я приду, непременно приду.

Картина моя, как я сказал выше, была совсем закончена, и весьма понятно, что желая видеть свою работу готовой, я с нетерпением ожидал в условленный час прихода нового натурщика. И вот в дверях моей мастерской, наконец, раздается желанный звук.

— Войдите! — говорю я.

Дверь отворяется и входит какой-то незнакомый человек.

— Что вам угодно? — спрашиваю я.

Молчание.

— Что угодно? — повторяю я вопрос.

— Разве вы меня не узнаете? — слышу я в ответ.

Вошедший незнакомец оказался именно тем самым, который обещал ко мне прийти для позирования. Не догадавшись, что он мне именно нужен "au naturelle", то есть в заросшей бороде и с живописною лохматою копною начесанных волос, он, прежде чем прийти ко мне, зашел к парикмахеру, который его умыл, обрил и тщательно постриг. Кроме того, мой "натурщик" еще и приоделся.

Публикация Натальи ПОЛИЩУК